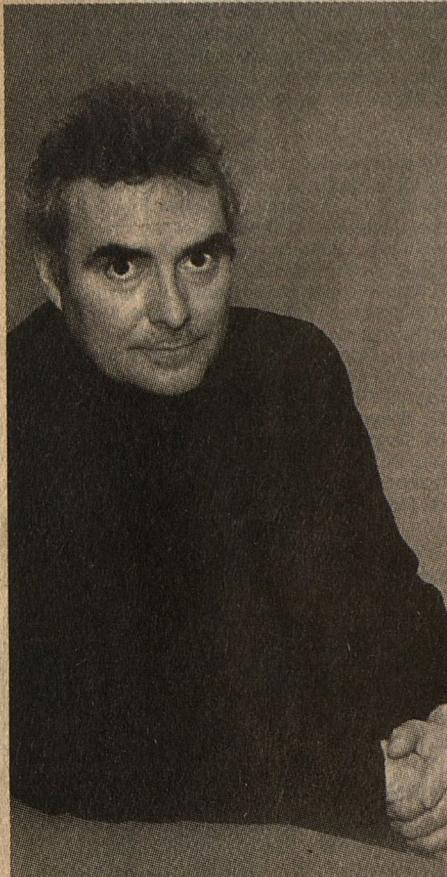


"мы хотели открыть Мариинский для горожан"



Доминик Перро: «Люди в России живут в основном внутри домов»

В рамках Восьмой международной ярмарки «Арх Москва 2003» по инициативе журнала AD мастер-класс провел знаменитый французский архитектор Доминик Перро. В настоящее время Перро приглашен участвовать в архитектурном конкурсе на проект нового здания Мариинского театра в Петербурге — его итоги будут подведены в конце июня. Перед отъездом из России **Доминик Перро** встретился с корреспондентом Газеты **Сергеем Сафоновым**.

Вы известны своими большими проектами, но совсем не работаете с частными заказчиками. А существует ли такой дом, заказчик которого — вы сам? Не случайно у меня никогда не было частных заказов. Я начинал работать, когда во Франции проводилась государственная политика помощи молодым архитекторам и архитектурные конкурсы были для нас открыты. Так как я выигрывал некоторые из них, получалось, что я строил только дома общественного назначения. Я участвовал примерно в двухстах конкурсах, а выиграл, может быть, сорок. История моего личного дома достаточно интересна. Он стоит в поле, рядом с домом родителей моей жены. У этого поля был частный владелец, который собирался там построить, как он говорил, двадцать домов. Видимо, это должны были получиться какие-то хижины, потому что столько домов разместить на небольшом участке, на мой взгляд, совершенно невозможно. Но за два года ничего не произошло, поле оставалось все таким же пустым, и мы стали узнавать, нельзя ли его купить. Мне кажется, владелец был доволен, сбыв его с рук. А мы решили построить дом, который не будет изменять пейзаж. Получилось нечто вроде

мягко спускающегося холма. И сам дом мы поместили в склон такого холма, используя самую обычную технологию — мы не строили из кирпича или из леса, а все сделали из бетона. У этого дома нет крыши, потому что наверху находится сад.

Какое впечатление произвела на вас ярмарка «Арх Москва»?

Что меня удивило и даже поразило — смесь коммерческой архитектуры и архитектуры культурного назначения. Во Франции не бывает подобных встреч, мы значительно более разделены в своей работе. У нас отдельно проходят выставки известных архитекторов, где те представляют свое творчество, и отдельно — салоны коммерческой архитектуры с образцами строительства для частных владельцев. На мой взгляд, соединение жанров очень интересно.

Московская архитектурная ярмарка все больше уделяет внимание интерьеру. Какое станковое искусство, на ваш взгляд, наиболее органично в современном интерьере?

Для меня очевидно, что люди в России, конечно же, озабочены интерьером: здесь сложный климат, и они живут в основном внутри домов. Искусство в доме всегда актуально, тут нет повода для дискуссий. Можно, конечно, купить репродукцию «Джонканды», но это будет очень поверхностно: все, что относится к сфере широкого потребления, интересно в течение месяца, а потом начинаешь задавать себе вопрос, почему ты это приобрел. За произведением искусства обязательно должна быть история. То же происходит, когда покупаешь старинный стол из антиквара или старую лампу.

Как вы думаете, почему в современной России нередко возникает желание

строить новые дома «по мотивам» сталинской архитектуры?

Мне кажется, сами сталинские высотки являются характерными для международного архитектурного движения, которое развивалось в XX веке — они могли бы принадлежать, например, к Чикагской школе. Похожие дома есть и в Берлине — это очерк, характерный для определенного периода. Сегодняшний возврат к таковой архитектуре — конечно, это только у вас. Но отношение к ней может быть разное, в зависимости от политического режима в стране. Если у вас есть монументальные общественные здания при демократическом режиме, монументальность представляет народ, но то же здание при тоталитарном режиме будет представлять власть. Следовательно, политическая жизнь тут имеет определенное значение.

Не меньше меня волнует другое: архитектура жилых зданий больших районов, где километрами делятся бесконечные одинаковые здания. Это проблема более серьезная, чем монументальная архитектура, потому что она связана с качеством жизни и окружающей среды, с социальными проблемами, с развитием города и общественного транспорта. Эти проблемы надо решать.

Ваши победы на архитектурных конкурсах — всегда только сугубо профессиональные решения жюри или заказчик тоже имел право голоса?

Если проект выигрывает, он тут же становится известен широкой публике, пресса объясняет его особенности. В дальнейшем он может быть немного изменен, но это становится известно всем — тут полная открытость. Если у вас частный заказ и клиент говорит: нет, я не хочу этого, — дискуссия очень ограничена. Когда же заказ государственный и ответственное лицо

не согласно с предложенным решением, всегда проводится дискуссия. Окончательное решение принадлежит тому, кто заказывает конкурс — или мэру города, или правительству. Если президент говорит: жюри хорошо поработало, но я хочу, чтобы был реализован другой проект, — ему необходимо публично высказать свое мнение и обосновать выбор.

Расскажите про свой проект для Мариинского театра.

Мы предложили решение, которое могло бы функционировать на очень высоком

уровне — с точки зрения техники, акустики. Другая часть проекта: мы задумали оперный театр, в который можно будет заходить, где можно гулять — словом, это будет общественное место, а не полностью закрытое, непроницаемое здание. Ведь обычно театр открывается только вечером, перед спектаклем, а днем горожане обходят театр снаружи. Часто это исключительно красивые здания, но мы хотели, чтобы театр был открыт для города, чтобы там существовала система галерей — для прогулок не только снаружи, но и внутри.